

Услышав о том, что на обед будет рис с тушеным мясом, Чжоу Цяоэр невольно сглотнула слюну. Сияя от радости, она принялась ластиться к матери:

— Спасибо, матушка! Я знала, что ты любишь меня больше всех. Давай скорее вернемся домой и скажем второму брату и второй сестре, чтобы они шли к нам.

На испитом, вечно недовольном лице Матушки Чжоу тоже промелькнула улыбка. Она уже представляла, как мясо куплено, брошено в котел и по дому поплыл аппетитный аромат:

— Идем, идем, не будем медлить. Эта вдова, небось, уже готовит мясо. Она до своих лет мясото видела раз в пятилетку, как бы не испортила такой ценный продукт.

Чжоу Цяоэр согласно кивнула, подхватила мать под руку, и они, радостные и суетливые, поспешили домой.

Путь от городка до деревни занимает два часа пешком, а на воловьей упряжке можно добраться меньше чем за полчаса.

Когда телега въехала в деревню, звеня колокольчиками, люди, отдохавшие в тени большого дерева у въезда, вышли к своим воротам. Они держали в руках большие белые миски и, вытягивая шеи, с любопытством наблюдали, кто же это из городка вернулся на наемной телеге.

Увидев, что телега направляется к дому на западной окраине, где живет Цзян Цяньэр, многие чуть глаз не лишились. В головах у всех зарождались мысли: с чего это вдова вдруг стала такой барыней, что нанимает телегу и везет столько добра? Как они собираются жить дальше? Сколько же личных накоплений припрятал Синшань, раз позволяет жене так разбрасываться деньгами?

Телега остановилась у двора. От тряски на ухабистой дороге у Цзян Цяньэр чуть не отвалился зад. Переведя дух, она спрыгнула на землю и, помня о том, что на Чжоу Синшане из одежды лишь одни подштанники, попросила возчика выгрузить зерно прямо в обветшалую кухню.

Затем она велела врачу подождать снаружи, схватила сверток с новой одеждой и, пробираясь через заросший сорняками двор, вбежала в темную мазанку.

Чжоу Синшань, который все это время сидел, прислонившись к стене и укрывшись тонким одеялом, никак не ожидал возвращения Цзян Цяньэр, а уж тем более — что она купит ему новую одежду. Он уже приготовился тихо угаснуть в этой лачуге, но она вернулась.

Цзян Цяньэр развязала узел, достала обновку и приложила к его плечам, весело приговаривая:

— Супруг, я купила тебе новую одежду. Давай скорее надевай, посмотрим, как она тебе.

— Супруг? — Цзян Цяньэр увидела, что Чжоу Синшань смотрит на нее невидящим взглядом, и

помахала ладонью перед его глазами. — Я пригласила врача, он ждет снаружи. Одевайся скорее, пусть осмотрит тебя.

Чжоу Синшань внезапно очнулся, словно рыба, выброшенная на берег и вновь вернувшаяся в воду. Холод и сухость, сковывавшие его тело, мгновенно отступили.

— Ты... ты купила мне одежду и пригласила врача?

Цзян Цяньэр закивала так часто, что стала похожа на клюющего зерна цыпленка:

— Конечно! Я в медицине не смыслю, с твоими ногами ничего поделать не могу, а врач — дело верное. Одевайся быстрее, он там ждет.

Цзян Цяньэр, оптимистка до мозга костей из системы Копал, считала себя избранной судьбой. Иначе как объяснить, что она переродилась и получила такого красивого, статного мужа?

Чжоу Синшань украдкой ущипнул себя — больно. Значит, не сон. Цзян Цяньэр не сбежала с его деньгами, она вернулась, купила ему одежду и позвала врача.

Новая одежда лежала перед ним. Он принял ее дрожащими пальцами — это была хлопчатобумажная ткань, гораздо лучше, чем грубый лен или мешковина.

Цзян Цяньэр открыто наблюдала, как он одевается, не скрывая восхищенного взгляда, скользившего по его мышцам пресса, груди и красивым изгибам тела. Когда он оделся, она позвала врача.

Работник зерновой лавки, несмотря на убогость жилища и запущенный двор, не проявил пренебрежения: он быстро и споро перетаскал не только зерно, но и все остальные покупки в кухню.

Лекарь Лю из городка был знаком с Чжоу Синшанем. Когда тот занимался торговлей, он просил лекаря привозить ему лекарственные травы. Когда же Синшань вернулся домой покалеченным, лекарь хотел прийти и осмотреть его, но семья Чжоу его не звала, а позже он услышал, что парень женился и отделился от семьи, так что подходящего случая не представилось.

Сегодня, придя по вызову, он не знал, к кому идет, но, увидев Чжоу Синшаня, принялся за осмотр ног с особой тщательностью. И с каждой минутой его лицо становилось все мрачнее. Цзян Цяньэр же, занятая разглядыванием лица мужа, этого не заметила.

Спустя долгое время лекарь Лю взглянул на Цзян Цяньэр и тяжелым голосом обратился к Чжоу Синшаню:

— Синшань, твои ноги...

Чжоу Синшань помрачнел и прервал его:

— Я понял. Спасибо, лекарь Лю. Лечить не нужно.

— Как это не нужно? — возмутилась Цзян Цяньэр. — Лекарь, лечить обязательно! Даже если есть хоть крошечный шанс, мы должны попробовать. У меня есть деньги.

Из купленного добра у нее оставалось меньше серебряного юаня, и она достала оставшиеся две с лишним монеты, протянув их лекарь. Тот посмотрел на осколки серебра и медные монеты, и в его глазах что-то мелькнуло.

— Синшань сейчас очень слаб. Возьми у меня лекарства, пусть попринимает. Как только организм окрепнет, я приду снова. А насчет ног... я посоветуюсь с коллегами, наверняка найдутся другие способы.

Посоветуюсь? Значит, ноги уже не спасти? И он никогда не сможет встать? Нет, не может быть. Если лекарь не сказал наверняка, значит, чудо еще возможно. Сейчас главное — поправить его здоровье.

Цзян Цяньэр кивнула:

— Хорошо, хорошо. Дайте нам побольше лекарств. Мой муж совсем исхудал, да и духом пал. И еще дайте, пожалуйста, мазь для наружного применения.

То, как Цзян Цяньэр просила лекарства и с какой искренностью относилась к мужу, не видя в нем калеку, успокоило сердце лекаря Лю. Он подумал, что Синшаню повезло: хоть жена и вдова, но любит его всей душой и готова жить с ним, а значит, он сможет выкарабкаться.

Лекарь Лю порылся в своей сумке, составил несколько сборов, нашел мазь, оставил их и, не взяв денег, вышел во двор. Цзян Цяньэр догнала его у ворот и настояла на оплате. Лекарь, не в силах отказаться, взял один юань:

— Я вернусь домой, приготовлю лекарств еще на десять-пятнадцать дней. Как закончите, приходите в город за новыми.

Цзян Цяньэр тут же спросила:

— А ноги моего мужа...

Лекарь Лю глубоко посмотрел на нее и ответил:

— Ногам Синшаня пока ничего не грозит. Если будет возможность, почаще делай ему ванночки и растирай их. Может, однажды он и пойдет.

Глаза Цзян Цяньэр засияли:

— Я поняла! Спасибо, лекарь. Вы возвращайтесь вместе с телегой, я за нее уже заплатила. Как закончатся лекарства, я снова вас найду.

Радость и счастье в глазах девушки были настолько искренними, что у лекаря перехватило горло. Он так и не решился сказать ей, что Чжоу Синшань, скорее всего, никогда не встанет на ноги.

Проводив лекаря и работника, Цзян Цяньэр отдала оставшиеся деньги Чжоу Синшаню и подала воды:

— Супруг, выпей, отдохни немного, а я пойду сварю костный бульон.

Приход лекаря окончательно развеял надежды Чжоу Синшаня на исцеление. А то, что Цзян Цяньэр так старательно пытается наладить их жизнь, вызывало у него лишь раздражение и тоску. Ему казалось, что лучше было бы умереть, чем быть обузой и тратить последние крохи еды.

Хлоп!

Чжоу Синшань взмахнул рукой и сбил со стола щербатую миску с водой. Его лицо исказилось от ярости, и он прорычал:

— Цзян Цяньэр, убирайся вон! Забирай свои документы, иди к своему любовнику Ван Даняню и проваливай отсюда куда подальше! Убирайся!

<http://bllate.org/book/21704/2241613>